

УДК 930(476)''18-19''+303.446.4(476)

В.А. Белозорович

канд. ист. наук, доц. каф. истории Беларуси,
археологии и специальных исторических дисциплин
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
e-mail: v.belozorovich@grsu.by

«РОМАНТИЗАЦИЯ» БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИИ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВВ.

Анализируется процесс формирования концепции истории белорусского народа в конце XIX – начале XX в. Раскрывается проблема «романтизации» прошлого белорусов на примерах публицистики народников, художественных произведений национальной литературы, работ непрофессиональных исследователей. Определена степень мифологизации событий белорусской истории, их субъективного восприятия основателем национально-демократического направления белорусского движения В.Ю. Ластовским. Выделены новые аспекты осмысления и реконструкции событий и явлений отечественной истории, ранее не изученные исследователями.

Введение

Первая половина XIX в. вошла как период романтизма, в методологической парадигме которого сформировались «национальные истории» Старого Света, включая истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Создавались концепции, отражавшие, как правило, славное и героическое прошлое. Такой подход привел к мифологизации истории, т.е. интеллектуальному созданию событий, фактов, не подкрепленных объективной реальностью. Но исторические мифы активно использовались в общественно-политической практике государственными и негосударственными институтами, поскольку содействовали консолидации этноса, формировали национальное самосознание и национальную идеологию.

Историописание моноэтнического характера подкреплялось легендами о героях – защитниках народных интересов, борцах за национальную свободу. Концептуальное видение прошлого предусматривало наличие некогда могущественного государства, которое по различным причинам постепенно утрачивало силу и попадало под влияние либо внешних завоевателей, либо соседних держав. Соответственно формировался образ врага, выступавший объектом национального угнетения. И только на этапе консолидации в нацию этнос активно пробуждается, чтобы, с одной стороны, достичь своего былого величия, а с другой стороны, вернуть социальную справедливость. Ведь старые времена традиционно фиксировались в исторической памяти как период всеобщего благоденствия и достатка.

Подобная модель объяснения прошлого нашла свое отражение и в белорусской историографии. Цель публикации – раскрыть процесс начального формирования концепции белорусской истории, сопряженный с генезисом национальной литературы.

Идеализация прошлого в белорусской публицистике и литературе

Традиция национального историописания сложилась у белорусов гораздо позднее, чем у других славянских народов, – на рубеже XIX и XX вв. Она сформировалась под влиянием революционно-демократических идей Кастуся Калиновского и представителей народнического движения. Помимо социального контекста в их взглядах прослеживается определенная идеализация белорусского прошлого. В частности, Калиновский оценивал унию как национальную веру белорусского народа, представлял Тадеуша Костюшко как борца с крепостничеством [1], считал «польское правительство» (Речь Посполитую. – В.Б.) защитником «народной свободы», создал образ исторического врага в лице «московского правительства» [2]. В свою очередь, представители Бело-

русской социально-революционной группы «Гомон» ввели в научный оборот положение тезис о колониальном статусе Беларуси в Российской империи и положение о политике царизма как режима исключительных законов [3, с. 69–71, 91].

Становление белорусской истории осуществлялось в тесной взаимосвязи с развитием белорусской литературы, произведения которой не только реконструировали прошлое народа, но и утверждали статус самостоятельного белорусского языка. Еще в 1891 г. Франтишек Богушевич в предисловии к сборнику стихов «Дудка беларуская» писал о самостоятельном и самодостаточном белорусском языке: «Мова наша ёсць такая ж людская і панская, як і французская, альбо нямецкая, альбо іншая якая» [4, с. III]. Автор предложил читателю собственное видение белорусской истории, в основе которого добровольное объединение Беларуси с Литвой и Польшей: «Спрадвеку, як наша зямелька з Літвой злучылася, як і з Польшчай з’ядналася дабравольна, дык усе яе “Бяларусяй” звалі, і недарма ж гэта! Не вялікая, не малая, не чырвоная, не чорная яна была, а белая, чыстая». Тут же предстает образ беззащитной родины, которая «нікога не біла, не падбівала, толькі баранілася» [4, с. IV]. Ф. Богушевич обратил внимание читателя на факт совместной борьбы Беларуси и Литвы с крестоносцами до княжения Витеня, отметил консолидирующую политическую роль Гедимины. Автор четко обозначил границы Беларуси: «Гдзе ж цяпер Беларусь? Там, братцы, яна, гдзе наша мова живець: яна ад Вільні да Мазыра, ад Вітэбска за малым не да Чарнігава, гдзе Гродна, Мінск, Магілёў, Вільня і шмат мястэчкаў і вёсак» [4, с. V].

Идею национального пробуждения народа, опираясь на героические примеры из прошлого в своих стихах и поэмах развивал Янка Купала. При этом он использовал материалы белорусского фольклора, например, в поэме «Курган». Главный герой произведения – гусяр, образ которого романтизированный, былинный. Я. Купала часто и, на наш взгляд, не случайно использовал сравнительный эпитет «белый» («барада, як снег белы – такая», «сумны, як лунь, белы дзед», «дзед, як снег, белы выходзе») [5], означающий мудрость, чистоту и неподкупность. Такое сравнение свидетельствует об идеализации не только главного героя произведения, но и в целом белорусского народа.

Романтизированное видение прошлого прослеживается и в поэме «Магіла льва». Я. Купала, исходя из народного предания, осудил противопоставление личности и народа, эгоизм и слепой индивидуализм. Автор показал силу народной обиды [6]. В поэтических произведениях, таких как «Над сваёй Айчызнай» (1906), «З мінулых дзён» (1909), «Над Нёманам» (1912), прослеживается связь между современностью и славным прошлым, в котором Беларусь обладала всеми атрибутами независимости и самостоятельности. Я. Купала считал, что каждый народ составляет «огромную семью-родню» и отличается от другого этноса языком. Он видел Беларусь в прошлом независимым государством, «когда страна жила своей жизнью, имела своих князей, свое вече». Затем Беларусь попала под владычество Литвы, но белорусский язык в то время стал языком «литовских законов», «правительственным словом победителя». Великое княжество Литовское поэт назвал «Великим Литовско-Белорусским княжеством». Упадок Беларуси Я. Купала соотносил с периодом Речи Посполитой, когда шляхта предала свой народ, стала чужой на своей белорусской земле. Помещики и крестьяне стали говорить на разных языках, а отношения между ними приобрели классово-национальный характер [7].

В статье «Белорусское возрождение» (1914) Максим Богданович придерживался теории дробления европейских культур и размежевания родственных культур: «От чешской культуры откалывается словацкая, сербской – словинская, польской – кашубская, от русской (великорусской) отслоилась украинская и, наконец, белорусская». Он считал, «что белорусская культура отнюдь не является простым вариантом культуры вели-

корусской. Наоборот, в их лице перед нами находятся два самостоятельных культурных комплекса, с самого же начала росших и развивавшихся независимо друг от друга».

Размежевание двух культур произошло в XIII в., когда Беларусь вошла в состав Великого княжества Литовского, а великорусские земли консолидировались вокруг Москвы. М. Богданович считал долюблинский период истории Беларуси «золотым веком», временем духовного подъема в русле общеевропейской культуры. Упадок начинается с переходом делопроизводства на польский язык. «Литовско-русское государство... успело утратить львиную долю своей самостоятельности». Происходит денационализация белорусской шляхты и экспансия польской культуры.

Поэт раскрыл влияние романтизма на литературу, что привело, по его мнению, к накоплению белорусского этнографического материала, ввел понятие «краёвой» литературы. Но в духе того же романтизма М. Богданович главным источником белорусского возрождения видел поэзию [8].

Концепция «романтизированного прошлого» В.Ю. Ластовского

Еще сильнее романтизм повлиял на мировоззрение Вацлава Ластовского – незаурядной личности, в которой переплелись поэт и прозаик, драматург и литературный критик, историк и политик. Этот ученый-самоучка сумел достичь научного признания.

Сам В. Ластовский оценивал романтизм как направление духовно-культурного развития Европы на рубеже XVIII и XIX вв. Он определял сущность эпохи как появление интереса правящей социальной элиты («панства» и «духавенства») к народной культуре. Но разделы Речи Посполитой и последовавшее «рэпрэсіўнае абрусенне» не содействовали развитию белорусского движения, а, наоборот, привели к усилению «идеи польского национализма». И только через сто лет в результате формирования плеяды борцов за белорусскую национальную идею начинается белорусское возрождение [9, с. 302–303].

После неудачной попытки реализации белорусской государственности на национально-демократической основе В. Ластовский, находясь в эмиграции, активно искал близкую по духу белорусам модель государственного устройства. Им стало Полоцкое княжество или, как называл его автор, «Кривия»: «Як “беларусы”, мы – толькі адбіццё агульнарускай індывідуальнасці, нейкі “промежуток и недоумок”, але як “крывічы” – мы асобны індывідуум, асобнае славянскае племя са сваёй багатай мінуўшчынай, сваёй асобнай мовай, тэрыторыяй і духовай творчасцю» [10, с. 377].

В 1923 г. Власт стал издавать в Ковно (Каунасе) журнал «Кривич», на страницах которого опубликовал фантастическую повесть «Лабиринты». Это незавершенное произведение представляет собой художественную конструкцию белорусской ментальности, в которой прослеживаются романтизированные взгляды на национальную историю. События в повести разворачиваются в Полоцке. Причем автор не принял летописных названий города – «Полотск», «Полотеск», считая их проявлением русификации. Возможно, В. Ластовский знал, что в слове «Полоцк» присутствует типично славянский суффикс -цк-, встречающийся в названиях городов, размещенных на берегах одноименных рек [11]. Поскольку город был основан кривичами, то для него этот фактор стал определяющим. Ластовский считал полоцкий период белорусской истории героическим: «“Крыважэрнасць і лютасць” павінна быць прыпісана не Усяславу полацкаму, а, наадварот, – варажскім ватагам, якія, абаснаваўшыся ў Ноўгарадзе і Кіеве, стараліся пазбавіць свабоды адзінае, яшчэ змагаўшаеся з імі, усходнеславянскае племя крывічоў. Постаць князя Усяслава полацкага, геройскага змагара за незалежнасць, у нашай гісторыі павінна займаць такое ж самае месца, як у гісторыі Русі – постаць Аляксандра Неўскага» [12, с. 379].

Автор подчеркнул древность Полоцка тем фактом, что мещанин Григорий N на территории Верхнего Замка нашел медаль. На ней был изображены змей и Дева-Солнце (силуэт птицы с человеческой головой). Ластовский ассоциировал змея с «Коном» – персонажем белорусской мифологии, равнозначным древнегреческому богу времени Кроносу. От слова «Кон» происходит термин «князь» [13, л. 21]. Как у эллинов «царство Кроноса» соответствовало сказочному «золотому веку», так и у Власти полоцкий период характеризовался свободой, демократией, «необычной привязанностью» полочан к своему княжескому роду [13, л. 21об.]. В. Ластовский писал: «Павэд-луг даўняй паганскай веры нашых прадзедаў, пачатак усяму ў шырокім свеце даў спрадвечны Кон. Ён назначыў кірунак і долю як багам, так і людзям, зямлі і мору, зьярам і раслінам, і ніхто і нішто ўжо змяніць не можа, нават ён сам, спрадвечны Кон. Нашы прадзеда, хочучы прадставіць сабе спрадвечнага Кона, вырэзвалі з каменю, металу або дрэва фігуру, зложеную з трох вужоў, сплеченых у адно хвастамі і з раскінутымі ў розныя стараны галавамі. Гэта быў знак багаслаўлення, знак святых» [14, с. 232].

Писатель много внимания уделил как материальной, так и духовной культуре белорусов. Здесь можно отметить элементы народной кухни («водка-старка», «кумпячына», «сальцісон», «каўбасы») [15, с. 10], особенности местной архитектуры («агаловак коміну ў кшасце кароны») [15, с. 13] и погребального обряда («корст» – «старасвецкая труна») [15, с. 14], белый цвет одежды [16, с. 31]. Подобным образом В. Ластовский стремился сформировать у читателя интерес к национальному стилю, к белорусской самобытности.

Под влиянием популярной на рубеже XIX и XX вв. гиперборейской теории он попытался «встроить» белорусские земли в индоевропейскую этногенетическую концепцию. Для него наша Родина была транзитным регионом на пути культурной экспансии гиперборейцев, осуществлявшейся с севера на юг. Главный герой повести Иван Иванович говорил о том, что с берегов Геродотова моря (Полесья) происходил великий индийский реформатор Рама, а колонию ученых вывел на Балканы Ален, Орфей основал древнегреческие города, учил людей искусству и ремеслам [16, с. 35].

В том же романтическом ключе В. Ластовский представил гипотезу о подземных жителях и пещерных городах. Будучи уроженцем Витебщины, он пересказал белорусское предание о городе Богоцке, который ранее стоял на месте деревни Старый Погост. Город якобы провалился под землю и только в определенные дни появлялся на ее поверхности. Но увидеть его могли только безгрешные и добрые люди [17, с. 207]. Жизнь обитателей подземного города – своеобразная социальная утопия начала XX в. В придуманном автором мире нет смерти, холода и голода [18, с. 8–9]. Но подземная мифическая Кривия по своей сути являлась трансформацией белорусской национальной идеи в противовес БССР.

В предисловии к «Падручнаму расійска-крыўскаму (беларускаму) слоўніку», опубликованному в 1924 г., В. Ластовский выделил четыре периода истории Кривии (Беларуси). Первый период от X до XIII в. – «Кривско-Русский», т.е. время, когда белорусский народ назывался «руссами» [19, с. VIII]. Второй период начинается с утверждения литовской княжеской династии и завершается в конце XIV в. Кревской унией. Тогда Беларусь называли «Литвой-Русью», где под Литвой подразумевалось государство, а Русью называли территорию, на которой проживали православные белорусы. Лишь в приграничных с Россией регионах употребляли термин «литвины». Третий период – Литовско-Польский (с 1386 г. до конца XVIII в.) – автор связывает с двумя негативными для белорусской истории явлениями: латинизацией и полонизацией белорусского «боярства» и разрывом между народными массами и «историческими верхами». Далее следует российско-белорусский период. Православное духовенство и православная шляхта перешли в «московский обоз» и «утонули в российской великодер-

жавности» [19, с. IX]. Поэтому национальное возрождение, по мнению В. Ластовского, исходило от «народных корней» – кривичей [19, с. X]. Для него название «белорусы» является отражением общерусской индивидуальности, а понятие «кривичи» означает «отдельный индивид, отдельное славянское племя со своим богатым прошлым, своим отдельным языком, территорией и духовным творчеством» [10, с. 377].

В «Краткой истории Беларуси» (1910) В. Ластовский отправной точкой белорусской истории считал расселение славянских племен, которые пришли с берегов Дуная. По его мнению, основу народа составили кривичи-полочане, радимичи, древляне и ятвяги [20, с. 7]. Здесь можно увидеть расхождение взглядов исследователя с позицией автора кривичско-дреговичско-радимичской концепции этногенеза Митрофана Довнар-Запольского. Ластовский включил западнобалтийское племя ятвягов в процесс формирования белорусского этноса. Позднее, в 1914 г., исследователь стал утверждать, что кривичи первоначально себя называли «дрыгвічамі», но в результате активных контактов с литовскими племенами сменили этноним на «крывічы». По его мнению, литовское слово «кирва» означает «болото», «дрыгва» [21, с. 295–296].

В контексте романтизации прошлого представлена идея о проникновении племени дреговичей в IX в. на Балканский полуостров – до греческого города Салоники. Ластовский считал, что братья Кирилл и Мефодий выросли в окружении «дрыгвічоў-хлебаробаў» и свои первые богослужебные книги перевели на язык дреговичей [21, с. 296].

В. Ластовский одним из первых в отечественной историографии выдвинул концептуальное положение о формировании белорусской государственности в период Древней Руси, ставшее популярным в научной и публицистической литературе первой половины 1990-х гг. К «своим», т.е. белорусским княжествам, он относил «Смоленское и Полоцкое... Витебское, Минское, Туровское, Оршанское, Друцкое, Лукомльское, Мстиславское, Изяславское, Слуцкое, Новогрудское, Несвижское, Пинское, Соломерецкое, Мозырское, Клецкое, Пересопицкое, Свислочское, Борисовское и др.» [20, с. 8]. Его привлекли два феномена ранней государственности: деятельность вече и сильная связь между князьями и народом. Он считал, что «народ крепко любил род своих князей». Даже языческие литовские имена не могли разорвать эту любовь. Очевидна модернизация прошлого, когда автор неоднократно использовал понятие «республика» в отношении к Полоцкому княжеству. Приводится такой факт, что вече после смерти Всеслава Васильковича не пожелало выбирать себе иного князя (1181–1190 гг.).

Идеализация славного прошлого белорусов проявилась в попытке сформировать пантеон национальных героев. Из «Белорусского родовода» (1913) следует, что прародителем народа был мифический князь Бой – последний человек из рода волотов [22, с. 143]. Далее следует полоцкая княжна Рогнеда. В. Ластовский не просто пересказал знаменитую легенду, а обратил внимание на тяжелую жизнь княгини в Киеве, назвав ее «гаротніцай» [23, с. 146]. К белорусским историческим героям автор относил Изяслава, Всеслава, Витовта [24–26].

В «Краткой истории Беларуси» он особо отметил представителей «роду мейсцовых князёў» Роголода и Изяслава [20, с. 9], которые вели борьбу за Псковские и Новгородские земли с Киевом и в то же время «дружили» с Литвой: «Полацкія князі з даўён-даўна мелі розныя супольныя справы з Літвой, што іншыя бліжэйшыя літоўскіе племёны залежалі ад Полацкіх князёў і што ў Літоўскіх землях жылі і Беларусы ў перамешку з літвінамі» [20, с. 11]. Позднее в неопубликованных «Нарысах з беларускай гісторыі» находим оригинальный вариант происхождения Литвы. Ластовский считал, что первоначально там проживали прибалтийские славяне лютичи («лютыя, смелыя, вольныя»), которые слились с местным населением, сформировав высшее военное сословие бояр и князей. Территория эта в древности имело название «Лютва», которое затем трансформировалось в «Литву» [13, л. 10].

Почему В. Ластовский акцентировал внимание на западном векторе отношений Полоцкого княжества? Возможно, он искал «смычку» между периодом полоцкой государственности и последующим Литовско-Русским периодом. Поскольку Ластовский принял положение о захвате белорусских земель литовскими князьями (дважды упоминал о походе Рингольда в 1230 г.), он выдвинул идею государства со смешанным белорусско-литовским населением. Оно формировалось путем консолидации двух регионов – Литовско-Завилейского княжества и Литовско-Кривичанского княжества. Название нового государства В. Ластовский взял из федералистской концепции ВКЛ М.К. Любавского. Но в отличие от позиции профессора Московского университета характер Литовско-Русского государства он считал белорусским: «мала-памалу з Беларускіх зямель зляжылося новае гасударство» [20, с. 17]. И «Миндоговичи», и «Гедиминовичи», считал автор, имели кровное родство с Рогволодовичами [13, л. 27об.].

Вацлав Ластовский последовательно раскрыл деятельность великих князей литовских. Родословную Миндовга сводил к полоцким князьям, положительно оценивал деятельность Гедимина и Витовта. Особенно он симпатизировал князю Витовту за его «демократизм» и желание основать независимое от Польши государство: «Вітоўт быў заўсягды даступны для ніжшых: кожны селянін мог даступіцца да яго і вылажыць свае крыўды, ці патрэбы. Вітаўт належаў да ліку тых, што патрапяць людзей кожнай нацыі, кожнай веры лічыць роўнымі сабе, калі яны толькі былі добрымі грамадзянамі» [20, с. 27]. Радовал исследователя и тот факт, что Витовт хотел назначить для Беларуси отдельного митрополита – Григория Цамблака. Идеализация прошлого прослеживается и в выводе автора, согласно которому при Витовте «дрэнна было... князём і баярам, але народу лепей жылося» [20, с. 30]. Позднее, в 1916 г., Власт противопоставил политику двух князей: Витовта, который хотел, чтобы «народ беларускі і літоўскі не быў нічыі слуга», и Ягайлы, ориентированного на союз с Польским королевством [26, с. 149].

Судьбу Литовско-Белорусского княжества (именно так автор называл государство перед Люблинской унией) предопределила борьба между католической и православной «партиями». К первой В. Ластовский относил сторонников Польши, ко второй – сторонников «краевых интересов». Обострилась конфессиональная проблема, осложненная претензиями Московского княжества на белорусские земли. Поэтому исследователь считал, что «Иоан III бытцам заганяў Літву і Беларусь у рукі Палякоў» [20, с. 39].

Положительно оценивал Ластовский реформационное движение на белорусских землях. Он считал, что, с одной стороны, представители кальвинизма и антитринитаризма будили национальное сознание, а с другой – способствовали консолидации литовцев и белорусов в деле государственной независимости от Польши [20, с. 44].

Люблинскую унию историк рассматривал как вынужденный шаг со стороны Литовско-Белорусского государства под негативным влиянием т.н. «московских войн»: «Літоўска-Беларускае гасударство бараніло сваёй незалежнасці і толькі за адзінаццатым разам – у 1569 гаду – гасударство страціло можнасць змагацца далей і было прымушэна здацца» [20, с. 46]. Речь Посполитую В. Ластовский считал польским государством и объяснял свою позицию нарастающим процессом ополячивания белорусского дворянства, политикой иезуитов, образованием униатской церкви. Еще в предисловии к «Краткой истории Беларуси» он обратил внимание на деятельность православных братств, которую считал белорусской, национальной [20, с. 5]. Именно от Брестской церковной унии белорусская история приобретает народный характер, поскольку знать стала массово переходить в католичество [20, с. 64]. Здесь очевидно сильное влияние на взгляды В. Ластовского западнорусской историографии. Он не поддержал идеи «народной» церкви, предложенной революционерами-демократами во второй половине XIX в. К. Калиновским и Щирым белорусом. Для него уния была средством постепенного ополячивания белорусского народа: «Унія была вялікая абмылка» [20, с. 68].

Отметим нетрадиционный подход В. Ластовского к оценке личности Януша Радзивилла. Опять-таки историк исходил из личной антипольской позиции. Он считал, что деятельность великого гетмана ВКЛ была независимой: «Гэта была апошняя паманка Беларуска-Літоўскіх зямель, каб выламацца з залежнасці ад Польшчы» [20, с. 81]. Польшу он называл «злой мачыхай» для белорусов, поскольку «палякі, дзякуючы Люблінскай Уніі, забралі ў свае рукі ўнутрэнае жыццё усяго государства». Ластовский критикует ограничение прав иноверцев в Речи Посполитой, осуждает шляхетскую анархию в стране, отмечает спад культурного развития белорусского народа. По его мнению, «дамовыя сваркі і войны» не способствовали развитию национального просвещения и науки [20, с. 87]. Польская Речь Посполитая в результате трех разделов перестала существовать.

Согласно В. Ластовскому, в новой российской государственности белорусский народ встретил «панскую няволю» и национальное бесправие. Ластовский отдельно заметил, что белорусский народ в России считали литовским. Исследователь критиковал концепцию воссоединения русских (белорусских) земель с Россией. Он исходил из собственного убеждения, что дворянская Российская империя не могла принести свободу белорусам. Также историк осуждал Россию за политику «абрусення», т.е. русификации [20, с. 91].

В «Краткой истории Беларуси» Ластовский определил роль Виленского университета в формировании белорусского национального движения. Ученые (профессоры) проявляли интерес к духовной культуре белорусского народа, изучали его фольклор, собирали, обрабатывали и публиковали образцы устного народного творчества, «і так памалу пачала узрастаць навуковая польская літэратура аб беларусах» [20, с. 95].

Через 80 лет, в 1994 г., профессор Д.В. Карев выдвинул положение о формировании в университете нового направления научного познания – белорусского источниковедения, а с ним и белорусоведения [27; 28].

В. Ластовский считал просвещение главным мериллом развития культуры народа, основным признаком самостоятельности нации считал язык. Поскольку белорусский язык, будучи крестьянским, стал «марнец і траціць сваю даўнюю гладкасць і багацьце» [20, с. 100], то заслуга в его возрождении принадлежала интеллигенции, прежде всего литераторам. В. Ластовский акцентировал внимание читателей на творчестве В. Дунина-Марцинкевича, «бацькі новага беларускага пісьменства», Ф. Богушевича, «народнага песьняра-паэта», Я. Лучины, «песьняра артыстычнага пакрыю». Для историка «сапраўдны беларускі рух пачынаецца з 1903 года», когда оформилась Белорусская социалистическая громада [20, с. 103].

Заклучение

Таким образом, на рубеже XIX и XX вв. на стыке литературы и непрофессиональной историографии формируется национальная концепция истории белорусского народа. Ее осмысление базировалось на положении о самостоятельности белорусов, их национальной самодостаточности, праве иметь собственную историю. Этот подход был противоположен позиции представителей западнорусской историографии и взглядам ученых варшавской школы. Подъем белорусского национального движения требовал концептуального представления о прошлом белорусского народа. Реконструкция исторических событий и явлений, их восприятие современниками осуществлялось на методологической основе первой половины XIX в. – романтизме. Героизация истории, акцентирование внимания на роли сильной личности, идеализация народной культуры содействовали формированию исторических мифов, т.е. ошибочных оценок, опровергнутых в последующем историографической наукой.

Если в произведениях белорусской литературы романтизм органично вписывался в художественный замысел автора, о чем, например, свидетельствует лирика Я. Ку-

палы, то в исторических публикациях В.Ю. Ластовского сформулирован ряд субъективных ошибочных положений. Задача современной историографии заключается в необходимости критического подхода к накопленному интеллектуальному опыту.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каліноўскі, К. Мужыцкая праўда. № 2 [Электронный ресурс] / К. Каліноўскі // Свіслацкія аркушы. – Режим доступа: <http://kalinouski.arkushy.by/archives/mp.htm>. – Дата доступа: 20.03.2017.
2. Каліноўскі, К. Пісьмы з-пад шыбеніцы [Электронный ресурс] / К. Каліноўскі // Свіслацкія аркушы. – Режим доступа: <http://kalinouski.arkushy.by/archives/pismy.htm>. – Дата доступа: 20.03.2017.
3. Публицистика белорусских народников / сост.: С. Х. Александрович и И. С. Александрович ; предисл. и коммент. И. С. Александрович. – Минск : БГУ, 1983. – 134 с.
4. Багушэвіч, Ф. *Dudka białaruskaja* : вершы / Ф. Багушэвіч. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 72 с.
5. Купала, Я. Курган [Электронный ресурс] / Я. Купала // Беларуская Палічка. – Режим доступа: http://knihi.com/Janka_Kupala/Kurhan.html. – Дата доступа: 10.10.2017.
6. Купала, Я. Магіла льва [Электронный ресурс] / Я. Купала // Беларуская Палічка. – Режим доступа: http://knihi.com/Janka_Kupala/Mahila_lva.html. – Дата доступа: 10.10.2017.
7. Купала, Я. Ці маем мы права вырэкацца роднай мовы? [Электронный ресурс] / Я. Купала // Арыгіналы твораў Янкі Купалы. Архивы Беларусі. – Режим доступа: <https://archives.gov.by/index.php?id=945316>. – Дата доступа: 10.10.2017.
8. Богданович, М. Белорусское Возрождение [Электронный ресурс] / М. Богданович. – Режим доступа: <http://www.maksimbogdanovich.ru/stories/241-page-35.htm>. – Дата доступа: 10.10.2017.
9. Ластоўскі, В. Ю. Памяці справядлівага / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – С. 299–303.
10. Ластоўскі, В. Ю. Канкардат / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – С. 359–378.
11. Полоцк [Электронный ресурс] / Упр. спорта и туризма Витеб. облисполкома. – Режим доступа: <http://www.tourvitebsk.by/taxonomy/term/47>. – Дата доступа: 10.10.2017.
12. Ластоўскі, В. Ю. У. Пічэта. Гісторыя Беларусі. Частка першая / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – С. 378–380.
13. Ластоўскі, В. Нарысы з беларускай гісторыі / В. Ластоўскі // Библиотека Академии наук Литвы имени Врублевских. – Ф. 21–249. Л. 209.
14. Ластоўскі, В. Ю. Колькі слоў аб даўняй веры беларусаў / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – С. 232–236.
15. Ластоўскі, В. Лабірынты / В. Ластоўскі // Крывіч. – 1923. – № 2. – С. 9–16.
16. Ластоўскі, В. Лабірынты / В. Ластоўскі // Крывіч. – 1923. – № 3. – С. 30–38.
17. Дучыц, Л. Сакральная геаграфія Беларусі / Л. Дучыц, І. Клімковіч. – Мінск : Літ. і мастацтва, 2011. – 384 с.
18. Ластоўскі, В. Лабірынты / В. Ластоўскі // Крывіч. – 1923. – № 6. – С. 8–12.
19. Ластоўскі, В. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік / В. Ластоўскі. – Коўна : Друк. А. Бака, 1924. – 833 с.

20. Ластоўскі, В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ю. Ластоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1993. – 126 с.
21. Ластоўскі, В. Ю. Якога мы роду-племені / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – С. 294–296.
22. Ластоўскі, В. Ю. Беларускі радавод / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – С. 143–145.
23. Ластоўскі, В. Ю. Князёўна Рагнеда / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – С. 145–146.
24. Ластоўскі, В. Ю. Ізяслаў / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – С. 146–147.
25. Ластоўскі, В. Ю. Усяслаў / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – С. 147–148.
26. Ластоўскі, В. Ю. Вітаўт і Ягайла / В. Ю. Ластоўскі // Выбр. тв. / уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – С. 149–150.
27. Караў, Д. Пачаткі беларускага крыніцазнаўства / Д. Караў // Спадчына. – 1994. – № 1. – С. 4–14.
28. Караў, Д. Пачаткі беларускага крыніцазнаўства / Д. Караў // Спадчына. – 1994. – № 5. – С. 9–18.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.12.2017

Belazarovich V.A. «Romanticizing» the History of Belarus in XIX–XX Centuries

The article analyzes the process of formation of the concept of the history of the Belarusian nation in the late nineteenth and early twentieth century. Close problem of «romanticizing» the past of Belarusians examples of journalism populists, works of national literature, and works of amateur researchers are revealed. The degree of mythologizing of the events of Belarusian history, the subjective perception of the founder of the national democratic trend of the Belarusian movement V.Y. Lastowski is considered. The new aspects of comprehension and reconstruction of events and phenomena of Russian history, not previously studied by researchers are highlighted.